

Из Ненаписанного Часть 1

Проснулся и долго пытался вспомнить: кто я?

Неужели и каждый мой сон кто-то видел уже до меня?

Болят стихи. Наверно, так у инвалида болит рука, оторванная взрывом .

Свидетельство о поэзии : мне не дано узнать, о чём я говорю... А жаль...

Ощущение, что полжизни играл по крупному в какую-то азартную игру... Но правил так до конца и не понял... Похоже, они менялись всё время...Обычно проигрывал.

А может быть, страдание, всё, что кажется нам злом - это тоже часть Господа-Бога? Ведь весь мир „из Бога и в Боге, как складка из платья и в платье“... И только для преодоления этой части и существует эволюция живого? В ересь-то впасть легко, а выпасть, наверно, очень трудно... Но раз мы созданы по образу и подобию Божьему, то и думать должны сами.
„Ты священник для себя и для некоторых“

Отдал Богу мозг.
И веру свою, словно куклу живую,
в лохмотья из фраз нарядил деловито.

Фантасмагоррики:
И тогда красная звезда с хвостом вполнеба появится над Кремлём.
И выйдет из мавзолея оживший Ленин.
И дойдёт до Лобного Места, и молча станет там на колени.
И грянет гром среди ясного неба, и молния сожжёт его дотла.
И рассыплется кремлёвская стена, и прах убийц смешается с пылью.
И серный дым будет подниматься от Лобного Места три года и два дня.

Взалкать бы чего!

Идиоматическая сценка: мальчик для битья посуды тянет жилы из кота за хвост.

Представил себя шпионом будущего, пишушим своё первое донесение... Надо бы зашифровать... ведь перехватят.

Автограф.
Горящею шапкой на воре- суровая подпись „Григорий“.
За ней восклицательный знак, а дальше приписано: „Марк“.

Я думаю, на Марсе царство Божие легче построить чем на Земле.

И явится Слово из недр Интернета.

В самом конце тысячелетия наступит массовое помешательство. Миллионы людей раздадут всё, что у них есть, и, надев белые одежды, уйдут в леса. Будут жить там

маленькими коммунами, питаюсь только грибами и ягодами, и целыми днями молиться, ожидая Конца Света.

Пора уже, наконец, начать воскрешать отцов!

Убийство обезьяны, наверное, больший грех, чем убийство лягушки - в обезьяне Бог сложнее.

Перевернутый вектор времени: зубная паста медленно вползает в тюбик, дым возвращается в печную трубу, водка из стакана вливается в бутылку... Флоренское время сна.

Ты куда это, хамо, грядеши?

Эко?номика у нас. О!балдеть!

„Жидомонгол и Климакстеричка“. (Патриотическая драма в трёх действиях).

В каком году сидели?

(Из застольного разговора)

Памятник бизнесмену-в- законе: Ухмыляющийся мужичок с огромной взяткою в руке. Белое лицо пивопийцы. У ноги прирученный зверь Мерседес.

Лесбианнейшая из женщин!
Глаз в промежности горит!

В обдирекции вредколлегии верных тленинцев сабантуй.

Никакой пощады телу своему!

Религия „святого греха“: дойти до дна порока, преодолеть зло изнутри. Чтобы ускорить приход Мессии.

Даже если диалог с Богом только самовнушение, это всё равно Диалог с Богом. Потому что и я - Его частица.

Мы не управляем отдельными атомами своего тела. Так и Бог не управляет всё время каждым из нас.

Я не смог бы молиться на площади.

Правила игры: перед тем, как начать говорить, зафиксируем метаязык описания, вырезая, как Шейлок, при этом кусочек живущей реальности, выразимой лишь в нами же выбранных символах.

Смотреть фактам в лицо, и при этом суметь увидеть будущее зрением боковым.

А символ христианства - рыба - висит одиноко в витрине продмага: восклицательный знак в пустоте.

Меня сбивает с панталыку,
что каждый ставит в строку лыко.

И люди, вроде поумнее,
несут такую ахинею...

(Из „Книги Сожалений“)

Проспал свои 70 лет богатырь на советской печи. Проснулся. Ноги подкашиваются, руки отнимаются, голова не работает... А кушать хочется!

И ни-чего: ни Кэ, ни Гэ, ни Бэ, ни мэ, ни мне и не тебе.

Идея демократии развоплощается на глазах.

Последняя правда - торгуй!

Пособие для практикующего гурмана: „Введение в Явствоведение и Чревоугодничество“. Том первый „Закуски“. Москва, 1996.

Человек без тени (сомнения). Форникатор с глумлинкой. Каламбуром по черепу-хрясть!

Смеханик издал два приветственных запаха.

Гроссмейстер матерного слова.
Всё суффиксы да префиксы, корней только два - мужской и женский;
а между ними, словно мост, глагол родной и вездесущий.

Ведь до последней нити путеводной
наследство наше мы давно пропили.

(Из „Книги Сожалений“)

Деревянное время. Деревянная литература. Деревянные деньги.

В компьютере моём дурная карма.

Живу один в виртуальном пространстве. Электронную почту читаю. Электронные письма пишу. И тонут письма в компьютерных недрах.

Оглохший гранильщик русских словечек.
Ему и Лета по колено.

Панмиксия вокруг, прокреация. Нерешённый квартирный вопрос.
Презентации, дефлорации... И тенденция к импотенции.

Аз есмь духовно болен. Но тело просит пищи каждые пять часов.
И как ему не дашь?

Видно плоть отделяет от Сути меня.

За всю свою жизнь (55 годочков) был полностью счастлив 4 раза. По несколько минут.
Во сне. Неужели и у других так мало? Или это я не умею быть благодарным?

Научиться бы удерживать взглядом летящую птицу. И отпускать её снова на волю.

Чего только ни придумывают, если молчишь!

Недорогая косметика для третьего глаза. Производство Российского Теософского Общества. (Цена договорная)

Люблю одиночество, то-есть себя. Но не хватает душевной жёсткости просто стать эгоистом, быть готовым на всё ради собственного счастья.

И не одиночество даже, а - отъединённость.
Как бюст на прозрачном цилиндре в вестибюле Музея Изящных Искусств.

В хорошем музее должны быть несколько раздражающе уродливых экспонатов. Как напоминание.

Трением мысли о слово добыл огонёк: слабое свечение песни.

Выйду на пенсию, устроюсь кассиром в ателье по промывке мозгов и заточке ляс... Ох, наговорюсь!

Отчётливо представил, как корчатся в мозгу чужие мысли.

Уж не вселился ли в меня кто?
(С ужасом читая себя.)

А флексии кишат между метафор, и прорастают в ядовитые стихи.

Пасхальное: „Здоровеньки булы!“ - „Воистину здоровеньки!“

Ишь ты! Ништо, а сумняшется!

Одухотворец на душеповале. То мат, а то молитва. Из тех же самых вечно расквашенных губ.

„Песни испуганных блондинок“. (Антология женского.)

Улыбаясь как геена,
тётка вякала со сцены
офигенное враньё.
А я думал: „Ох, и гены,
ох, и гены у неё!“

(Предвыборный митинг в театре)

Начало киносценария.
Конус света струится из вставленного в замочную скважину глаза.
В конусе, раскинув руки, медленно вращается женщина.
Две маленьких жёлтых молнии танцуют у неё на ладонях.
Слоистые никотиновые нити наматываются на голову, и лицо исчезает.
Безголовое тело со скрипом ввинчивается в темноту.
Сворачивается в спираль перспектива.

Музей истории поэзии. Блестящий памятник из слухов в виде гигантского кукиша.
(Полированный мрамор).

А мы с тобой как две земных координаты,
как две проекции живого андрогина.

Пейсоголовый ашкеназик, недавно перешедший в православный иудаизм.
Патлат, кудлат, волосат. (Слова „иудизм“ немного стесняется, для него в нём отголосок предательства).
Культуроносец из вымирающей касты русских евреев.
Страдает воспалением духа, но при этом умудряется везде намельтешить своим эгом разбухшим.

Загоняю слова в пропустову прозу.
И опять на душе хоть шаром покати.

(Из „Книги Сожалений“)

Надо быстро себя обессмертить!

Все время ощущение потери...
так со звуком прощается нёбо,
так на таможне в Шереметьево :„Иди!“

Есть что-то похожее в хороших стихах и хороших теоремах: предельная сжатость и точность.
Но теорема замкнута в себе, а стих открыт, беззащитен...

Лобастый терминал компьютера-заики
таит искусственный, враждебный интеллект.
Лучше не связываться.

Закрой глаза - и увидишь: стада жужжащих мнимых чисел, как муравьи, ползут в коробке черепной.

Накопление духовного опыта: Господь не явится в несгорающем кусте, если не вглядываться изо всех сил в каждый куст.

Сойду с ума в Твои слова,
и с рук мне всё сойдёт тогда.

Ибо вера есть Путь, и ты это я.

Выдавливаю прозрачные слова.
Но слово главное всё не вымолитвится.
И больно в мозгу.

Каждый раз, когда вижу монаха или хасида - это как напоминание, что выбрал лёгкий путь. И оправданием может быть только то, что напишу.

Вошли идеи в депутатов, как бесы в легион свиней.
(Новости из Государственной Думы)

Пролетарии банковского труда, обогащайтесь!

Телевизор - замочною скважиной во враждебный, загадочный мир. В скважине тусуются скользкие духом, злые мутанты. И тянет серой...

И Кубани я не рассказывал, и Иисуса не распинал... А как ненавидят!

И будет страшен Грядущий Рашен.

На космическом корабле Земля становится всё теснее и опаснее. Пора заготавливать запасную шлюпку. Марсианская ветвь нашей цивилизации смогла бы выжить после ядерной войны на Земле. Может мало уже времени осталось...

Мне мыслью не смыслить неправды толпы.

А дела у меня - из рук вон хорошо!

Ассенизационная диалектика : всё течёт, как по трубам дерьмо.

И Лобное Место Москвы в ту ночь зарастёт волосами.

Если долго всматриваться в водяные знаки на стодолларовой бумажке, то ясно виден портрет дьявола в профиль.

Новости из обманного ящика: Американский Президент обсуждает чеченскую трагедию, Германский Канцлер требует усиления охраны ядерных материалов, Международный Валютный Фонд предлагает решение экономических проблем... Все лезут в шкуру убитого русского медведя.

Похоже, у начальства вконец испортился желудок от употребления перезревших идеологических плодов, завезённых с Запада. Вот и сидим по уши в дерьме.

В весёлых глазах ракетира зажётся холодный огонь.
Побежали мурашки по розовой ряшке.

(Сценка из современного детектива)

Новорюс, по кличке Амбал-Оглы Когтепалый. Глаза добродушного людоеда.
Длинного ума человек.

Гениталиссимус.

Псевдоиван Второй-онанизменный кайфолов.

Срослись в триединстве здоровом его сердце, желудок и член.

Мадам Соловьиха де Разбойник и могутный гоготырь Шапиро: „Апломбированное руководство по рукоблудству“. Пособие для низших учебных и увеселительных заведений. Москва, 1996.

Гомерический идиотизм: заливная песня правофлангового.

Телерожа россиянтика на партийной фене ботает
о сказне, о государственной, здесь у нас в экс-СССР...

(Программа „Новости“)

Так вот и шастает транзитом Глория Мунди. Так вот всё время и шастает...

И всё больше нулей на бумажных рублях. Обнуляется наша валюта.

Скажи мне, кудесник, а водка почём?

Красноречивый добрым быть не может.

Где живот мой теряет название приличное,
там нахальный инстинкт выпирает обычное.

(Перед зеркалом)

Сценки из коммуналки:

Сосед орал по пьянке
с полбанки одурев.
И обзывал болванкой
гражданку Имярек.

Лохматый хахалёк её, нахал,
при этом похотливо хохотал.

Седьмая водка на киселе:
белая немочь справляет третий запой.

Прикрой свой наглый телевизор!

Вещная теплота, накопленная поколениями
ответственных квартиросъёмщиков.

Глупость делает нас человечней. Вот что!

...Я тоже помнить должен,
что тех, кто землю топчут,
гораздо меньше всё же,
чем тех, кто в ней зарыт...

Господь разрешил нам Ему подражать.

Никогда не мог понять этой фразы: „Пред людьми я виновен, перед Богом я чист“ ...
какой-то другой у них Бог.

Всемирный конкурс на лучший проект Рая на Земле. (Коммунистов просят не
беспокоиться.)

О живом Боге нельзя мёртвыми словами. Речь наша должна тянуться вверх,
прорасти всё новыми побегами на дереве жизни.
В повторяемости, обрядовости, медитации есть что-то окаменевшее. Подобна смерти
мать ученья.

Из всех искусств важнейшим для нас будет живая литургия.

Тем, кто верит в логику, ничего не докажешь.
Даже не представить, как Всемогущий Бог мог бы „доказать“, что Он существует.
Любое чудо для них самовнушение, иллюзия, массовый гипноз...
А тем, кто видят и доказывать не надо.

Поменьше бы амбиций . Не так уж плоха пиявка, которая не мечтает стать вампиром.

Страна родная Ашкеназия, тебя на карте не найти.

Земля Обетованная сжимается как шагренева кожа.
Евреи торгуют...

(Из газет. Январь, 1996)

Душа моя, ещё прикрытая довольно прочным телом, наблюдает с любопытством как
мозг часами пожирает толстые книжки.

Немедленно начни излучать любовь!

Ночью грубые станут нежнее- мы боимся...

Ещё о нас:

Уж десять лет, как будто птицы,
друг друга любим на лету.

Я теперь с тобою на „мы“.

Белая магия рифмованных слов:
стихом целую тебя в душу.

Мы будем как две цифры 3,
соединённых в цифру 8.
Восьмёрка - это новое начало...

Alter ego ты мое : post coitus lupus est.

Нанизывал чувства на рифму,
как чеки кассирша на гвоздик.

Экстаз, да не про вас!

Суждено мне, как видно, опять
по ночам либиду сублимать.

(Из „Книги Сожалений“)

Фальшивоцитатчик.
Грустный сводник идей и стихов.
Всё не может изжить в себе прокурора.
Не люблю его мозг.

Скажите, а Мессия ещё не приходил?

Ну, разве чета тебе наши читатели?

Даосизм хозяйственника: „Всё путём!“

Окладистый мужичок на глазах у всей страны, положив красную растопыренную
пятерню на стегно, насилует голую идею-фикс. Зло слюною течёт у него с языка.
Партийные люди азартно кричат из зала, науськивая окладистого.

(Новости из Государственной Думы.)

Эх, компьютеры мои,

вы компьютеры,
всё давно у вас внутри
перепутано.
Я ночами до утра
в файлах рыскаю.
Такова уж ты судьба
программистская.

(Из песен об искусственном интеллекте)

А нынче сны - второй да третий сорт...
И в их пространстве слишком тесно.

Зерно поэзии в навозной куче слов. А я, как курица...

Неуверенно взял рукопись. Поднёс её близко к глазам. „Почерк какой у вас интересный. Каждая строчка как кардиограмма.“ Потом всмотревшись : „Постойте, голубчик. Да вас госпитализировать надо. Немедленно... Куда же вы уходите? Вам сейчас нельзя одному...“

Пособие по травматургии для херургов (человеческих душ).

И кий биллиардный зацветёт!

Сон медленно встал на попу и повернулся ко мне лицом.

Лет через 30-40 научатся продлевать жизнь. Каждый сможет жить, сколько захочет. Если не опасно для других.

Жизнь вечная здесь, на Земле. Время уже не дышит тебе в затылок. Никто никуда не торопится. Изношенные органы заменяются как детали в машине, или пересаживают мозг в другое тело, или... Не важно как.

„Желающий пусть берёт воду жизни даром.“

Всего через каких-нибудь 30-40 лет. Может быть, мы одно из последних поколений смертных. Не дотянули совсем немного. Чудовищно обидно!

Как у зародыша в утробе матери появляются органы, необходимые ему после того как он появится на свет, так и у зародыша бессмертного в утробе цивилизации незаметно появляются сейчас органы, навыки для жизни вечной здесь на Земле.

Люблю себя, но безответную любовью.

Поэтическое наследство : набальзамированные слова аккуратно лежат в прозрачных гробиках стихотворений.

Почивали себе бы в бозе... Так нет...

Я памятник себе вообще не воздвигал!

В последнее время в предметах всё чаще проступают дыры - истончаются вещи.
А тело моё, уменьшаясь, становится плотным и чёрным.

Осколок стиха болтался во рту, словно выбитый зуб, царапая небо... Я выплюнул...

Арс-то лонга, да вита, вот, бревис.

Всмотрись в свою душу. Не отворачивайся, гад!

Хорошо бы к другим пробиться... так ведь не выдержать долго!

В самой себе запуталась душа моя.
Научиться бы чувствовать ясно!

Очень уж нервные у меня окончания стали!

Прибор для измерения боли. Чтобы, когда нестерпимо, хотя бы один увидел и наклонился.

Библейский Бог убил несколько тысяч (!) евреев за то, что они поклонялись золотому Тельцу - Зачем?? Неужели же наши человеческие жизни так мало для Него значат?

Или эта история придумана (Богом?), чтобы преподать урок диким людям и поколениям после них?

Может быть, вся сила и красота библейских притч в том, что у них так много толкований?

Слова, проросшие корнями в небо и живыми ветвями, тянущиеся к нам.
Слова, похожие даже не на дерево, а на его прообраз -саму идею дерева.
Слова...

Мы уходим в ночь, оставляя след.
От кого-то холст, от кого-то текст.

Стихи как алиби для Страшного Суда.

(27 Янв. 1996, День смерти И. А.Бродского)

[На Главную Страницу](#)